

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

РУССКИЙ ХОРОВОД ПОСРЕДИ ВСЕМИРНОГО КАРНАВАЛА

На 82-м году жизни ушёл Сергей Андреевич Небольсин

*Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман...*

А. С. Пушкин

Пушкин — наше всё...

А. Г. Григорьев

Почему все великие русские филологи, которых забрал неумолимый последний год, — происходили именно из Пушкина? Фёдоров, Небольсин?.. А незадолго до них — Палиевский, называвший Пушкина “золотым сечением русской жизни”?

А до них — Достоевский, сказавший о “всемирной отзывчивости” нашего поэта, которую тот наиболее полно “разделил” с народом своим? А до автора “Братьев Карамазовых” — Белинский и Гоголь, увидевший Пушкина “русским человеком в его развитии через 200 лет”? А после них — Блок. А с ним Ходасевич, призывавший “перекликаться именем Пушкина в наступившей темноте”?

Почему, наконец, скромный автор антологии грузинской поэзии начала XX века, впоследствии всесильный вождь народов Советской России Сталин именно Пушкиным скрепляет единство молодого государства накануне величайшей мировой войны в переломном 1937 году? А священномученик Павел Флоренский, расстрелянный в том же 1937 году, уже буквально из могилы благословляет это “возвращение Пушкина” как спасительное для русского народа?

Я думаю, что не банальный ответ на этот вопрос содержится и в формуле Аполлона Григорьева, и в связанном с Пушкиным русском торжестве позапрошлого века, которое Поль Валери назвал “одним из трёх чудес мировой истории: Эллада, итальянский Ренессанс и Россия XIX века”. Здесь же и XX век, который по праву сегодня называют во всём мире “русским”: Шолохов и Есенин, Победа во Второй Мировой войне и полёт Гагарина, спорт и кинематограф...

Не осталась в стороне от общего русского дела и царица наук, филология. Без имени М. М. Бахтина сегодня, в веке XXI-м, уже непредставимо всемирное филологическое знание. И дело не только в том, что его учение “о полифонии”, “диалоге” и “карнавале” прочно вошло в культурный обиход всего

мыслящего человечества, но и в том, что наиболее плодотворные культурно-исторические оппозиции его учению сами по себе стали едва ли не единственным подлинно новым словом в русской филологии. Мне уже доводилось рассказывать читателям о философско-литературной концепции “Слова как единственного субъекта бытия” ученика и оппонента Бахтина, профессора Донецкого национального университета Владимира Викторовича Фёдорова, в статье, посвящённой его памяти*.

Печальная весть о кончине ещё одного оппонента Бахтина – Сергея Андреевича Небольсина – делает уже необходимым рассказ и о его осмыслении пушкинского пространства единой человеческой культуры, “подлинно народной” в терминологии Небольсина. Что у него одновременно означало – и истинной.

Итак, напомним суть вопроса. Учение М. М. Бахтина “о карнавале” и “амбивалентности” в творчестве Рабле почти мгновенно было изъято западными последователями русского мыслителя из области чисто филологической и перенесено на практически все проявления человеческой культуры, и больше того – социологии, психологии и т. д. в качестве фундаментальных склонностей человеческой природы, которая, явив себя в Масленице и святочных переодеваниях (вариант – венецианском карнавале и средневековом “празднике дураков”), непременно должна заканчиваться “цветными революциями”, майданом и гей-парадом. У С. А. Небольсина можно найти такую оценку этого неуместного “расширения”: “согласно сложившейся филологической практике, бахтинское учение о карнавале стало нередко отождествляться с народной культурой вообще, якобы явленной у Достоевского (Рабле, Гоголя и т. п.), что постоянная у них хорошая, драматичная, трагикомичная, попросту весёлая смена ценностей на противоположные и обратные – “верха” на “низ” с торжеством низа над верхом, с торжеством чрева и чресел над сердцем, разумом, нравственностью, начальством, верой и душой – всё это есть сущность и дух радостного народного воззрения на вещи. Она проявлена в карнавале, в святочном и масленичном гулянье у любого народа. Правда, “Бобок” у Достоевского сводит весьма неприглядные и едва ли народные фигуры и побуждения (их лозунг – “заголимся и обнажимся”). Но корни и здесь, если сильно углубиться, всё же выведут к народности. Что, разве в Содоме и Гоморре проживала не народность?..”**

С. А. Небольсин продолжает: “учение Бахтина о карнавале – “антирепрессивное”, “демократичное”, “еретичное” или ереселюбивое, всемирно-освободительное, раскрепостительное и т. п. – заслуживает пересмотра.

И оно едва ли заслуживает приписывания ему той импозантности и всеобъяснительной силы, которую в нём находят, но которой это учение не имеет.

Да, карнавал вроде бы явление давнее, повсеместно находимое и даже сверхдревнее (содомизмы, дионисийства, вакханалии, сатурналии и т. п.).

И карнавал известным образом “раскрепощает”.

Но скрепляет любую из мировых культур не карнавал. (Любая из мировых культур – это не только культуры “великие” и со всемирным авторитетом. Это культура вообще любого искреннего народа.)

И раскрепостителен карнавал для разных его любителей по-разному.

Какова же разность субъектов карнавала, не позволяющая ему считаться универсальным образом или символом для культуры? Отчасти мы её касались: с одной стороны, русская Масленица, с другой – Санкт-Петербургский “Бобок”.

Но главное, что ведущая и крепящая основа, дух и сущность культуры – это и не карнавал вообще, а хоровод”.

Больше того, карнавал недвусмысленно характеризует именно маргинальность (выключенность из единой народной жизни) его носителей, которая не имеет ничего общего с народной культурой, и отличает, по справедливому замечанию С. А. Небольсина:

1) либо “культуру петербургскую”, определяемую “карнавальным” лозунгом: “заголимся и обнажимся”; культуру, возникшую из “барской зевоты”

* https://zavtra.ru/blogs/filologiya_kak_blagovestvovanie

** Здесь и далее цитирую по “Карнавал или хоровод?” (С. А. Небольсин, “Литературная газета”. 2004. № 31. С. 13).

и “ложной учёности” (по С. А. Клычкову) с её атмосферой переодеваний, обмана и двойничества;

2) либо маргинальную культуру, культуру народного “низа”, отъединённую от здоровой общенародной культуры или сектантством, или специфически узкой и тёмной областью колдовства и чертовщины “с карнавальностью сборища на Лысой Горе”;

3) либо культуру, которая возникает на слиянии первых двух и которую можно условно обозначить, как “капиталистическую” (вспомним роль сектантства и сектантской культуры в возникновении “капиталистического” карнавала. Как пишет исследовательница вопроса Н. М. Михайлова: “В протестантской Европе учёные уже давно обратили внимание на неразрывную связь духа капитализма (духа наживы) с духом протестантских сект.

Одна из работ Макса Вебера, изучавшего протестантскую этику, так и называется – “Протестантские секты и дух капитализма”. Исследований о связи сектантов России с духом наживы не существует, хотя известно: уже ко времени Екатерины II три четверти (75%) русского капитала и большая часть промышленности (Север, Урал) оказались в руках “вечно гонимых” раскольников. Эта доля не уменьшилась, но увеличилась к началу XX столетия...” В русской культуре карнавалу сектантства и нарождающегося капитализма неизменно противопоставляется центральный, на наш взгляд, и определяющий для народной поэтики образ – образ “хоровода”.

Небольсин именно и предлагает постигать сущность подлинно народной культуры через образ хоровода (противопоставляя его бахтинскому карнавалу): “Хоровод, как частность культурного быта, – пишет он, – есть просто круговое движение с общей песней и пляской. Как объяснение “сущности культуры”, это всего лишь образ. Однако ничто лучше и не способно постичь любую сущность, чем образ. Именно поэтому мышление образами, особенно звуковыми, и есть высший вид мышления”.

Небольсин приводит основные “культурообразующие или культурно всеобщезначимые качества” хоровода: “Они составляют прочную и знаменательную совокупность (парадигму). Прежде всего – действие совместное и сообща. Прочное единение, надёжная, ибо тут уже подлинная, круговая порука. Единение голосов, движений и даже собственно искусств. Телесное здоровье, его ценность и его радость. Свобода самовыражения без нахальства и стянутасть бодрых и крепких единиц в кольцо. Мощный разлёт и упорная центростремительность – к ядру круга, к притягивающей бездонности материземли. Бесспорное господство высоты, заметное даже в стати и осанке тех, кто сошёлся в хор и круг. Да, именно оно – непререкаемое господство неба и верха над низом. Разве не такова культура любого здорового общежития?

Отсюда всемирная прославленность и всех искусств, рождённых хороводом. Примеры, возможно, общеизвестны. Важно лишь подчеркнуть снова, что хоровод – это не просто народно-корневое искусство: это больше – это вся культура здорового общежития. Ибо хороводен, в образном смысле (то есть в наиболее постигающем любую сущность смысле) любой вид здоровой и здоровой человеческой деятельности: не только праздник на поляне, но и повседневный труд. И не только в России или у славянства, но и у негров Африки либо в Латинской Америке, хотя бы там раз в год, как проходной уличный обряд, и торжествовал свою Масленицу именно карнавал...”

Выводы С. А. Небольсина о хороводе, о сущности здоровых и подлинно народных культур (у него – “культур искренних народов”) буквально слово в слово повторяют и разъясняют написанное почти сто лет назад в статье с характерным “карнавальным” названием “Лысая гора” другом Есенина, поэтом С. А. Клычковым:

“В поэтическом языке старости нет. Все слова молоды, здесь вечно бьёт ключ вечной юности. Каждое слово у каждого поэта живёт по-разному – у иного оно старцем из пустыни выйдет, у того – старушкой с клюшкой горбится, – по-разному на слово падает свет из творческих тайников, и всё зависит от того, как слово брагуется с другим словом, как оно берётся с другим словом за руку, чтоб войти в плавный и величавый словесный хоровод (выделено мной. – А. Ш.). Ведь в хороводе каждая девка красна, говорит народ. Потому-то все слова хороши – нет слов плохих и нет слов хороших. Что с того, что подчас слово рябое, косоногое – оно в хороводе сойдёт, лишь бы только хоровод водился и на хороводном кругу запевал запевало; что с того,

что в ряд станет старая старица — старый конь борозды не испортит. Вот почему Пушкин и обмолвился как-то: из мелкой сволочи вербунгу рать! Потому-то и нельзя так подойти вдруг и вытащить за руку: смотрите, мол, какая ж она рябая — дёрнуть две-три цитаты с боков и из середины и восторгаться новизною слова или хулить и поносить за трафарет. *Цельность поэтического произведения, хороводность слов и строк делает и самую удачную цитату неубедительной — недаром народ говорит: из песни слова топором не вырубешь* (выделено мной. — А. Ш.)...

Отметим прямую переключку. У С. А. Небольсина — о культуре вообще: “бесспорное господство высоты, заметное даже в стати и осанке тех, кто сошёлся в хор и круг. Да, именно оно — непререкаемое господство неба и верха над низом...”; у С. А. Клычкова — о литературе, в частности, о поэзии: “всё зависит от того, как слово бракуется с другим словом, как оно берётся с другим словом за руку, чтоб войти в плавный и величавый словесный хоровод”. Здесь уместно вспомнить и противоположное эстетике шутовского и карнавального утверждение А. С. Пушкина: “Прекрасное должно быть величаво...”, и эстетические установки русской культуры (согласно С. А. Небольсину, “и культур всех искренних народов”).

Нам остаётся только отметить, что для русской культуры вообще образ “хоровода” главенствующий. Хоровод как круговой танец и песня часто появляется в обычаях и обрядах русского народа, литературных и музыкальных его произведениях — и символизирует подлинную народность и гармонию — или чаемую, или утраченную и недостижимую.

Стихии “карнавала” в русской культуре противопоставляется культура “хоровода” — с несомненным торжеством “верха” над “низом” и вертикальностью мироощущения. “Карнавал” и временное торжество “низа” в художественном пространстве (например, в прозаической трилогии упоминавшегося уже С. А. Клычкова) всегда сопутствуют несправедности (городской жизни, капиталистическому или сектантскому карнавалу) или сопровождают падение праведника (ретирада главного героя из покоев любовницы на свинье в “Сахарном немце”, падение “староверческого отшельника” на деревенской свадьбе в “Чертухинском балакире”, зачатие будущего капиталиста Серого Барина от ряженого (неизвестно какого) отца, переодевания в покоях Рысачихи в “Князе мира” и т. д.). “Хоровод” же, напротив, или сам становится преддверием окончательного бытия (как в “Сахарном немце”), или служит исправлению реальной жизни, где в совместном хороводе выпрямляются и хорошеют кривые и убогие (как в “Чертухинском балакире”).

Учение Небольсина о хороводе как о сущности подлинной культуры ещё ждёт своих последователей. Оно более чем востребовано в современном мире непрекращающегося уже ни на секунду карнавала, который его тайные и явные адепты распространили сегодня на всё: на политику и культуру, человеческие отношения и ценности; даже величайшие таинства человеческого бытия в этом мире — рождение и смерть — обставлены теперь непристойнейшим карнавалом и кривлянием.

И неслучайно, что напоминание о всечеловеческом братстве и хороводе, исполненном величавого гуманистического единения и Богозавещанного прямохождения и достоинства звучит в начале XXI века опять из России:

*В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Это не только Блок. Это и Пушкин. И Есенин. И Клычков. И Небольсин!